

Традиция проводить Дни памяти Любови Никоновой зародилась в 2012 году, сразу после смерти кузбасской поэтессы, чьё творчество ещё при жизни стало достоянием отечественной литературы. Ежегодно в Новокузнецке проходят областные литературные Никоновские чтения. Проект «Дни памяти Любови Никоновой», реализуемый сотрудниками Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского, пополняется новыми страницами в продолжающихся исследованиях многогранной деятельности нашей знаменитой землячки.

На мероприятие приглашаются представители администрации города и общественных организаций, образовательных и культурных учреждений, Кузбасской православной духовной семинарий, работники музеев и библиотек, журналисты.

В творческой программе – не только традиционный обзор литературного наследия, но и выступления писателей, литературоведов, которые делятся воспоминаниями о поэтессе.

Одну из своих публикаций о Л.А. Никоновой предложил редколлегии нашего альманаха известный новокузнецкий публицист М.М. Гревнёв. В настоящее время Михаил Михайлович – заместитель главного редактора газеты «Кузнецкий рабочий», а в 1970-е годы он, студент Новокузнецкого пединститута, впервые познакомился с Любовью Никоновой – тогда ещё начинающей поэтессой, которая обучалась на одном с ним факультете русского языка и литературы.

А через 30 лет у журналиста М.М. Гревнёва состоялась новая встреча с Л.А. Никоновой...

«Так не бывает»... Но так было!

Людей, пишущих стихи и считающих себя поэтами, много. Истинных поэтов очень мало – единицы.

Я и десятки моих товарищей по литфаку это поняли сразу – как только прочитали в факультетской газете стихотворение «Тир»:

**«Дощатый домик на дорожке.
Внутри – война. Снаружи – мир.
А дети хлопают в ладошки
И громко радуются: тир!
О, бедный заяц!
Мрачным днём
Над ним скоробился навес.
Но сам тому же удивившись,
Зверёк расстрелянный воскрес!
В него бессчётно попадали.
Перевернётся – жив-здоров!
Он жил за всех собратьев дальних,
Погибших средь степных бугров –
За белых зайцев, за пятнистых...
На мушке, в метре от ствола,
Он подымался, дерзок, истов:
Ещё раз – р-раз!
Ещё раз – два!
За всех, в кого вонзились вилы,
Кого настиг заряд свинца,
Преподавал косой впервые
Урок счастливого конца!».**

Не поверите, но эти 22 строчки тогда произвели на литфаке настоящий фурор. И вовсе не потому, что от них веяло неким бунтарством (*шёл 1972 год*). А потому, что веяло от них подлинной поэзией.

«Так не бывает, чтобы первое стихотворение – и сразу в десятку!» – скаламбурил кто-то из моих товарищей. Но так было.

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

И нам захотелось посмотреть на поэта.

Это была небольшого роста, худенькая, с большими голубыми глазами девушка. Нам она сразу понравилась. Когда познакомились поближе, это первое впечатление только усилилось. Тем, что Люба Никонова неизменно была приветлива, добродетельна, скромна. Говорила негромко, но ёмко и убедительно.

Потом, спустя годы, я понял, что она живёт, как пишет. И пишет, как живёт.

Родилась Люба Никонова в селе Владимировка Самарской области.

«Детство проходило в Среднем Поволжье, среди равнин, в царстве света, воздуха и ветра, – написала она в предисловии к одной из своих поэтических книжек. – Над всей местностью как бы парила в облаках лёгкая белокаменная церковь – действующий храм во имя святого равноапостольного великого князя Владимира... Храм внешне похож на московскую церковь Большого Вознесения, где венчался Пушкин. И построен владимировский храм в 1837 году, в год смерти Пушкина. На одной площадке с ним стоит здание бывшего земского училища, в нём располагается школа...».

Закончив сельскую восьмилетку, Люба приехала в Новокузнецк, где жили её старшая сестра с мужем – кстати, первостроители Запсиба. Приехала, предположительно, в гости. Да так и осталась здесь жить.

Закончив одну из запсибовских школ, поступила на литфак пединститута. Будучи ещё студенткой, она издала свою первую поэти-

ческую книгу, что по тем временам было поистине феноменально. Получив диплом вуза, Люба поехала работать в село Ваганово Промышленновского района. Причём поехала она туда не по распределению, а по собственному желанию – вслед за своими друзьями.

Ей очень понравилось это место. С одной стороны, отроги Салаирского кряжа, с другой – степь. Необычная природа. И погода своеобразная – всегда сильный ветер, по которому она очень тосковала в Новокузнецке. В их деревянном доме, рассказывала она, нередко даже свечи задувало...

Но настало время уезжать из Ваганова.

Вернувшись в Новокузнецк, Любовь Никонова устроилась научным сотрудником в музей Достоевского. «По легенде, а может, так было на самом деле, – поделилась она, – в том домишке в то время ещё сохранились лиственичные половицы, по которым когда-то ходили Фёдор Михайлович и Марья Дмитриевна...».

Проработав несколько лет в музее Достоевского, Л.А. Никонова, что называется, ушла на «вольные хлеба», то есть литература, по сути, стала её единственной профессией, хотя она периодически вела спецкурсы в школах.

Любовь Никонова (на снимке – в центре) с делегацией кузбасских писателей. Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского. (Фото 1980 г.)

Поэт Любовь Никонова: «Я быстро поняла, что писание стихов – это моё естественное состояние»

– Совершенно неизбежный вопрос: как ты стала писать стихи, что тебя к этому побудило?

– Меня очень увлекало чтение. Я перечитала всю школьную и сельскую библиотеки. Книг, чтобы удовлетворить мои потребности, не хватало. И вот подумала: может быть, самой начать писать?... Смешно? Но примерно так всё и было. Тем более, что случилось это «прозренье» в 4-ом классе. У меня сохранились все детские и отроческие записные книжки. А первые публикации стихов у меня были в районной и областной газетах, когда училась ещё в 7-м классе... Вообще, я быстро поняла, что писание стихов – это моё естественное состояние.

– Ты живёшь поэтическим, литературным трудом. Причём не только в метафорическом, но и в самом прямом смысле: зарабатываешь на жизнь литературными занятиями. Неужели это возможно, тем более в нашей провинции?

– Возможно. Если имеешь скромные житейские потребности... Когда я ушла из музея Достоевского и решила сделать литературу своей единственной профессией, меня много публиковали и в кузбасских, и в сибирских, и в московских изданиях. Значит, были неплохие гонорары. Хорошая возможность уйти на «вольные хлеба». А это мне нужно было ещё и для того, чтобы осуществить свою давнюю потребность – побывать в святых местах.

У меня даже выработался своеобразный маршрут по следам путешествий моей прапрабабушки Александры Андреевны. Она была паломницей, странницей – Троице-Сергиева лавра, Киев, потом русский север, Дивеево...

– Твоя религиозность – и это очевидно – коренным образом повлияла на твоё творчество. Был даже период, когда ты публиковала преимущественно духовные стихи...

– Писать духовные стихи я стала в детстве... В одной из недавних своих книжек решила опубликовать поэму «Образ», которую написала в шестнадцать лет. В ней такое начало:

**Пред тёмной иконой,
Я плачу пред тёмной иконой.
Лик Бога неясный
Не внемлет печали моей.
Ни звука от Бога,
Ни вздоха, ни слова, ни стоны.
Так где ж избавленья
От более земных и страстей?**

Вообще свою веру в Бога я никогда не скрывала, а по детской наивности даже и демонстрировала.

Конечно, были споры с друзьями и учителями, были и неприятности: меня, например, несколько раз исключали из комсомольских секретарей.

– Поясни, пожалуйста, я не до конца понимаю: духовные и светские стихи у тебя чередуются?

– Да нет, они существуют на равных правах. То есть, я пишу постоянно и те, и другие. К тому же у меня много стихов, про которые не скажешь, что они чисто религиозные или, наоборот, чисто светские. Но Бог всегда у меня в душе, а значит, и в жизни.

– Можно сказать, что ты человек глубоко верующий, но без фанатизма?

– К этому бы добавила: никому веру не навязывающий, но к вере побуждающий. Скажем, в литературных студиях, которые я веду, несколько лет назад мы сделали книжку «Прикосновение к вечности», в которой собрали религиозные, духовные стихи ребят. Бог, вера, любовь, надежда, храм... Дети эти вопросы задают себе естественным образом и искренне на них отвечают... Хорошая, глубокая книжка, на мой взгляд, получилась.

– Работа в литературных студиях – это для заработка?

– Нет, больше для души. К тому же это всегда не моя инициатива: мне предлагают, я соглашаюсь. Не забывай: я ведь не только поэт, литератор, но и педагог, и очень люблю эту профессию. Всё началось в 1995 году с литстудии «Зёрнышко» в 32-й гимназии. Одна за другой к ней добавилось ещё три студии: в 27-й школе, в филиале-институте Кемеровского университета и городская – «Гренада».

– Скажи честно, без педагогической дипломатии: есть в этих студиях талантливые молодые люди, способные вырасти в истинных поэтов?

– Есть. Несколько ребят из «Гренады» подают надежды. Причём в «Гренаду» они пришли из школьных студий. Одна моя воспитанница – Виктория Можная, на мой взгляд, уже состоялась как поэт. Она активно публикуется в региональных и московских изданиях, в 2002 году была участницей Всероссийского форума молодых писателей. Прошедшим летом Виктория закончила литфак педагогического института имени Горького. Выпустила книжку в Москве.

– Хотелось бы разобраться в твоей поэтической родословной. Ты сама ешь от каких имён и времён ведёшь? От Батюшкова с Пушкиным? От Тютчева? Или, может быть, от поэтов Серебряного века – от Анненского до Ахматовой?

– В 12-летнем возрасте у меня состоялось очень яркое знакомство с поэзией Блока. И до сих пор это самый любимый мой поэт. Больше, чем Блок, никто из поэтов мне не дал. А кроме него очень люблю поэзию Набокова – за её теплоту и духовность. За эти же качества близки мне поэзия и проза Бунина, проза Шмелёва и Шергина.

– Все твои привязанности – представители классической русской культуры с её особым духовным и душевным строем. А как тебе живётся в наше время, в котором культуру отодвинули на задворки?

– Живу и от времени не отгораживаюсь... Вот в 90-е годы опубликовала книжку «Чтоб воскреснуть на этом лугу» – о России, её судьбе. Название пасхальное – «Чтоб воскреснуть...» – через испытания, может быть, смерть – пробудиться к новой жизни...

– А душа принимает это новое время с его культом прагматизма, денег?

– Не знаю... Может быть, мне просто везёт на другой тип людей или, если точнее, на другой тип отношений с людьми. Поэтому новое, как ты говоришь, время меня очень жёстко ещё не касалось. Говорят же, что душа христианка даже у неверующих, а значит, человеческое даже у самых прагматичных людей нередко пробуждается. Именно в такие моменты мне и везёт с людьми общаться.

– В России поэзию всегда читала в основном образованная публика. Так было во времена Пушкина, так было и в начале XX века. Но это всегда был ровный, неослабный, живой интерес. Фантастический всплеск интереса к поэзии произошёл в 60-е годы XX века, когда Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина собирали стадионы, их книги издавались сотысячными и даже

миллионными тиражами. Не думаю, что то было увлечение именно поэзией: просто время дынуло свободой, а поэты это дыхание перенесли в свои стихи... И после этого интерес к поэзии стал неизменно ослабевать, а в наше время он и вовсе еле-еле теплится. Что случилось? Почему поэзия так стремительно уходит из нашей жизни?

– Что за катастрофический взгляд!.. На самом деле интерес к поэзии существует. Да, он не такой тотальный, как в 60-е годы, но он нигде не делся. Мне кажется, что просто изменились формы литературного общения людей. Скажем, поэты и почитатели поэзии сейчас много общаются через Интернет.

Сегодняшний ценитель поэзии лучше информирован. Ему открыты образцы высокой поэзии XX века, тогда как до конца 80-х годов многое было недоступно. А главное отличие нынешних читателей от их «предшественников» состоит в том, что нынешние, в большинстве, сами являются поэтами, причём они вырастают на лучших образцах, не замыкаясь в прокрустовом ложе какой-либо доктрины.

Это не теоретические рассуждения: я сужу по молодёжи, с которой работаю. Они не только пишут стихи – это-то не удивительно, это, можно сказать, возрастное – они хорошо разбираются в поэзии, у них хороший литературный вкус... С другой стороны... Понимаешь, чтобы связать себя с поэзией, как главным делом жизни, нужно быть твёрдой личностью – поставить перед собой цель и идти к ней, не смотря ни на что. Но таких – единицы... К сожалению, среди молодёжи сейчас процветает необыкновенный, по моим представлениям, рационализм. Просчитывается каждый шаг: когда выходить замуж или жениться, когда обзаводиться ребёнком, к какому времени скопить столько-то денег и сделать то-то...

– **Позволю себе любовной вопрос. А не к тому ли всё идёт, что интерес к поэзии сохранится лишь среди самих поэтов и нескольких сотен её почитателей?**

– Повторю любовной ответ: я с таким катастрофическим взглядом не согласна. Мне вот приходится часто выступать в колледжах, школах. Встреч так много, что я даже устаю...

– **Но ведь это всё организованные мероприятия: учитель сказал – ребёнок посетил...**

– Это далеко не всегда так. К тому же я встречаюсь не только со школьниками, но и со взрослыми людьми. И почти всегда вижу искренний интерес к поэзии, к личности поэта, который, по мнению многих людей, знает ответы на какие-то сокровенные вопросы...

– **Значит, у тебя, Люба, никогда не возникало ощущения твоей ненужности – как поэта – нашему обществу?**

– Нет, со мной такого не случилось... Хотя для людей, пишущих стихи, ощущение ненужности, другие пессимистические чувства очень характерны. Об этом я и по рукописям сужу, причём не только поэтическим, но и прозаическим. Знаешь, какой мир там в основном изображён? Какой-то тусклый, серый, прокуранный, захламлённый, покрытый паутиной. Почему так? Ведь в мире много красоты, цвета и света. Почему люди, а это в основном молодые авторы, этого не видят?

– **А вспомним незабвенного Лермонтова: «Печальный Демон, дух изгнания, летал над грешною землёй...», «Печально я гляжу на наше поколенье...», «И скучно, и грустно...»**

– Да, но в какую совершенную форму всё это облачено! А какой мощный, очистительный дух в его поэзии! И никакой захламлённости и паутины...

– **Знаешь, я для себя давно уже такую формулу вывел. На мой взгляд, поэзия – явное доказательство Божественного происхождения человека. Или так: если поэзия не от Бога, то её происхождение невозможно объяснить. Откуда она тогда берётся? Вот любовь, объясняют ученые, – это чистая химия, соединение каких-то ферментов в организме. А для поэзии нет ни химического, ни физиологического объяснения. Значит, она от Бога.**

– А ещё я верю в то, что стихи где-то объективно существуют – в Природе ли, в Высших ли Сферах, не знаю, как это назвать. И даются они людям с обострённым слухом и открытой душой.

– **Может быть, банальный вопрос, но очень хочется его задать. Как ты пишешь, откуда рождаются образы, посещает ли тебя вдохновение?**

– Бодлер говорил, что вдохновение приходит после того, как автор плотно поест и выпьет хорошего вина... Это, конечно, шутка. Вообще поэты любят отделяться шутками, когда речь заходит о творческом процессе, о вдохновении. Это чрезвычайно трудная тема. Вдохновение, конечно, существует. Это подьём творческих сил в человеке. С чем он может быть связан? С хорошим, свежим утром, ярким солнцем и голубым небом, с чем угодно – у каждого по-своему... Впрочем, что об этом говорить, это, наверное, вещи общеизвестные...

Вообще я в творческий процесс погружена почти без перерыва, замыслы постоянно бродят во мне: периодически обращаюсь к бумаге – и так до тех пор, пока текст не готов. Бывает, от замысла до воплощения проходят годы...

Беседовал

Михаил Гревнёв.

*(«Кузнецкий рабочий».
6 марта 2004 г.)*